

Бескрайняя пустыня, клубы дыма, холмы из наметенного песка — один за другим. Рон Фэйянь, закинув Сюй Цзыина на плечо, зашагал в сторону главного лагеря, слушая, как тот бормочет себе под нос всякую бессвязицу.

— Умоляю, скажите, что это какой-то розыгрыш, а...

— Ладно еще умереть от голода, но остаться без гроша... это невыносимо. Меня, мужчину, облапали! Чем это вообще отличается от смерти?

— Попал в другой мир, а стало еще хуже, чем было. Раньше я хотя бы человеком был, а теперь...

Рон Фэйянь расслышал лишь последнюю фразу и усмехнулся:

— С чего ты взял, что ты не человек?

Он взглянул на свою руку, где на основании большого пальца четко отпечатались следы зубов. Подумать только, этот красавчик с виду хрупкий, а кусается до боли.

Подумаешь, поцеловал разок, чего такая ярость...

Сюй Цзыин боялся, что его снова облапают, поэтому не решался пускать в ход кулаки, а только плевался словами:

— Какой еще человек? Если считаешь меня человеком, сожги эту свою купчую! У меня сейчас даже личности нет, какой же я человек? А?

Рон Фэйянь рассмеялся, позабавленный такой логикой. Завидев вдаль свой лагерь, он невольно замедлил шаг и лениво произнес:

— Не наглей. Если бы я тебя не выкупил, с твоей-то внешностью неизвестно, в каком борделе ты бы сейчас торговал своей невинностью.

Помолчав, он добавил:

— Чем тебе плохо со мной? Будешь при мне — ни в чем отказывать себе не станешь. У меня нет извращенных наклонностей, я не стану измываться над тобой, как другие отпрыски знатных семей.

Сюй Цзыин, все еще виса на плече у мужчины, повернул голову и с отвращением бросил:

— Тьфу! Кто хочет быть с тобой? Бесстыдник!

Рон Фэйянь ничуть не обиделся и легко ответил:

— Это уж как получится...

Сюй Цзыин поспешно прикусил язык. Спустя пару мгновений он решил попробовать договориться, хотя гордость не позволяла ему быть вежливым, и тон вышел резким:

— Эй, давай так: ты ведь потратил на меня деньги, так я... я верну тебе серебро, идет?

Если Рон Фэйянь не врет и не станет его трогать, то Сюй Цзыин готов отрабатывать долг. Как истинный трудяга, Сюй Цзыин привык работать больше, чем есть, так что трудностей он не боялся.

Рон Фэйянь не собирался идти на уступки и небрежно бросил:

— Хорошо. Одна ночь — один лян серебра.

Сюй Цзыин возмутился:

— Я... я не это имел в виду! Я о другом!

— О другом? А что ты еще можешь? — спросил Рон Фэйянь. — Ты даже с самой легкой работой в лагере не справишься. Те охальники, как увидят тебя, так живьем проглотят. Без меня тебе деться некуда.

Сюй Цзыин хотел было возразить, но вдруг услышал шум. Рон Фэйянь скомандовал:

— Спрячь голову поглубже, не дай им увидеть твоё лицо.

Сюй Цзыин растерялся, а Рон Фэйянь тихо добавил:

— А то еще захлебнутся слюной, глядя на тебя.

Сюй Цзыин лишился дара речи. Рон Фэйянь сделал еще несколько шагов, и неподалеку кто-то прокричал с высоты:

— Генерал вернулся!

Сюй Цзыин не удержался и поднял голову. Он увидел укрепления из камня и грубо отесанного дерева, по бокам возвышались дозорные башни. Насколько хватало глаз — настоящий военный лагерь древности.

Воины в доспехах и с копьями столпились на стенах, вытягивая шеи, чтобы разглядеть, кого же притащил генерал. Они перешептывались, и вряд ли их слова были приличными.

Сюй Цзыин только хотел рассмотреть их получше, как Рон Фэйянь внес его в лагерь. Он

мельком взглянул на ряды армейских палаток и вдруг увидел здорового детину с огромным тесаком. Увидев Сюй Цзыина, тот моментально вытаращил глаза.

И правда, как и говорил Рон Фэйянь: того и гляди, проглотит целиком.

Сюй Цзыин похолодел. Он окончательно попал в логово волков, поэтому, вжавшись в плечо Рон Фэйяня, больше не смел поднять головы.

Увидев, что генерал вернулся, его приближенные окружили их со всех сторон:

— А генерал-то силен! Так быстро поймал эту штучку!

— А как иначе? Наш генерал сколько лет холостяком ходил, никто ему не приглянулся, а тут — такой экземпляр, и тот сбежать пытался! Генерал, проучи его как следует!

Нашелся и особо языкастый, который придвинулся поближе, чтобы разглядеть Сюй Цзыина:

— А фигурка-то... талия тонкая, как у водяной змеи. Повезло же генералу.

Рон Фэйянь не собирался позволять им глазеть. Он продолжал идти, но, услышав это, пнул наглеца под зад и с улыбкой произнес:

— Еще слово — и останешься без баранины, пойдешь в конюшню навоз жрать.

Сюй Цзыин не видел, но за шутками Рон Фэйяня в глубине его глаз затаился холод, от которого любого бросило бы в дрожь. Рон Фэйянь стал главнокомандующим благодаря своей жесткости и беспощадности. В лагере никто не смел ему перечить — все, кто пытался, уже были мертвы.

Тот солдат понял, что сболтнул лишнее, и, покрывшись холодным потом, поспешно оправдался:

— Что вы, генерал! Мы тут победу празднуем, барашков режем... Я, я пойду делами займусь...

Сюй Цзыин действительно почувствовал запах баранины в воздухе.

Когда солдат убежал, Рон Фэйянь молча окинул взглядом остальных и наконец улыбнулся:

— Ешьте и пейте на здоровье, братцы.

Поняв, что генерал не в гневе, все радостно закричали:

— Генерал, поешьте с нами, так веселее будет!

— Точно, точно! Так будет куда лучше!

Рон Фэйянь отмахнулся и зашагал к шатру главнокомандующего:

— Не сегодня. У меня есть дела поважнее.

Не успел Сюй Цзыин опомниться, как вокруг поднялся гул, свист и топот — словно волна, эти звуки втолкнули их обоих в шатер.

Оказавшись внутри, Сюй Цзыин пришел в себя и, не заботясь о последствиях, яростно выпалил:

— Да пошел ты к черту! Попробуй только тронь меня, я тебя загрызу!

— Прошу прощения, — Рон Фэйянь бросил его на кровать и, стоя над ним, сверху вниз добавил: — Чтобы повидаться с моим чертом, тебе придется подождать до завтра, пока я его не выкопаю.

Сюй Цзыин лишился дара речи. Он попытался отползти вглубь кровати, но его тут же вытащили обратно. Он начал брыкаться и кричать, но от усталости и слабости был бессилен — Рон Фэйянь играючи сдерживал его и приговаривал:

— Играешь в недотрогу? Мне нравится.

Сюй Цзыин:

— Да пошел ты!!!

У него совсем не осталось сил, но упрямство не позволяло сдаться. Рон Фэйянь перевернул его и прижал к кровати:

— Сдаешься?

У Сюй Цзыина оставался только язык:

— Сдавайся своим предкам! Ты на кого давишь, ублюдок! Я тебя прокляну!

Рон Фэйянь рассмеялся, не сжимая его слишком сильно, а просто удерживая на месте, и с невозмутимым видом заметил:

— Мои предки давно в могиле. Почему ты так хочешь разрыть их? Может, завтра сводить тебя на кладбище поклониться?

— Поклонись своей голове!

Сюй Цзыин взглянул на него и вдруг утонул в его взгляде. Эта откровенная жадность в глазах Рон Фэйяня заставила его похолодеть — он испугался, что тот перейдет к делу.

Сюй Цзыин решил сменить тактику:

— Слушай, я верну тебе деньги... Но я не хочу этого, ты ведь не можешь меня заставить?

Рон Фэйянь на секунду замер, моргнул и ответил:

— Вообще-то, я именно это и делаю.

Сюй Цзыин не понимал здешних порядков, он был человеком из современного мира. Возмущенный беспределом, он воскликнул:

— Ты хоть знаешь, что такое равенство?!

— Рассказываешь сказки? Не знаю.

Сюй Цзыин покраснел от ярости, румянец залил даже его бледную шею. Он глубоко вдохнул, готовясь высказать все, что думает о предках Рон Фэйяня...

— Я... ур-р-р...

В животе Сюй Цзыина раздался громкий протестующий звук. Оба замерли, прислушиваясь к тому, как это урчание эхом отдается в шатре.

Рон Фэйянь: «...»

Сюй Цзыин: «...»

Живот: «Гр-р-р-ур-р...»

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Рон Фэйянь согнулся пополам от смеха. Солдаты снаружи, услышав шум, не решились войти, решив, что красавчик явно пришелся генералу по душе. Раз уж генерал так развеселился!

Рон Фэйянь смеялся так, что у него заболел живот, он разжал руки и отпустил Сюй Цзыина.

Сюй Цзыин сгорел от стыда и не хотел даже шевелиться. Видя, что Рон Фэйянь все еще хохочет, он схватил подушку с узором из черных облаков и швырнул в него:

— Да замолчи ты, черт возьми!

Рон Фэйянь поймал подушку, прикрыл рот кулаком, чтобы сдержать улыбку, и, глядя на него сияющими глазами, спросил:

— Проголодался?

— А по-твоему? — Сюй Цзыин отвел взгляд. — Или ты думаешь, мой живот пел тебе серенады?

Похоже, Рон Фэйянь уже привык к его ядовитому языку и не принял это на свой счет. Он нашел одежду, велел Сюй Цзыину одеться и, бросив напоследок: «Сейчас принесу поесть», — вышел.

В огромном шатре Сюй Цзыин остался один. Он погладил пустой живот и все же натянул одежду. Одеваясь, он размышлял: он и правда попал в другой мир, но в какую эпоху? Или это вымышленный мир...

Полог шатра приподнялся, прервав его мысли. Рон Фэйянь заглянул внутрь, убедился, что Сюй Цзыин оделся, и позволил остальным войти.

Несколько солдат внесли стол и котел, затем принесли продукты. Каждый из них низко опускал голову, никто не смел даже взглянуть на Сюй Цзыина.

Как только стол был накрыт, они удалились. Рон Фэйянь сел на подушку у низкого столика и небрежно бросил:

— Чего застыл? Иди ешь.

Сюй Цзыин, медля, подошел. В медном котле посередине стола кипел бульон, источая аппетитный аромат.

— Это...

Рон Фэйянь подбросил уголь в жаровню под котлом и, видя, что Сюй Цзыин стоит на месте, потянул его за руку и усадил рядом.

Сюй Цзыин смотрел на свежую баранину и овощи, разложенные на столе, и смущенно отвел взгляд.

Рон Фэйянь посмотрел на него:

— Баранина в котелке. Никогда не ел? Смотришь так, будто сейчас слюной подавишься.

Сюй Цзыин шмыгнул носом и упрямо вздернул подбородок:

— Кто сказал, что я не ел? Просто...

Просто это было очень давно. Глядя на некое подобие хого, он почувствовал, как к горлу подкатил ком.

Он горько усмехнулся: при жизни он больше всего на свете хотел поесть хого, но в итоге умер от голода.

Кто бы мог подумать, что, переродившись, он наконец-то его попробует.

<http://bllate.org/book/18792/1825605>